

политика

Н.С.Розов

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ЦЕННОСТИ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ

Ключевые слова: конституция, политико-правовое устройство, ценности, либерализм, этатизм

Несмотря на попытки правящих кругов в очередной раз «подморозить Россию», мало кто сомневается (даже с учетом вероятного временного снижения активности уличных протестов), что политическая динамика продолжится, причем с турбулентными и кризисными характеристиками.

Глубокие кризисы в обществе приводят не только к смене власти, но и существенным изменениям в институциональных основах политического режима. Формально такие основы закреплены в действующей сейчас Конституции РФ. Ожидаемое кризисное развитие российской политики неизбежно поставит вопрос о внесении поправок в Конституцию или даже о принятии новой. Отнюдь не случайно все чаще появляются статьи и книги, прямо посвященные конституционному обновлению, разрабатываются альтернативные проекты, ведется активное обсуждение этих тем в интернете¹.

Эпоха «подморозки» при всех своих многочисленных минусах имеет и неоспоримый плюс — это время, позволяющее без спешки и суеты размышлять о наиболее важных параметрах желаемого политико-правового устройства страны. Никто не знает, будет ли обновлена Конституция Российской Федерации, а если будет, то когда, насколько радикально и в каком направлении. Однако это не снижает значимости самих размышлений о предназначении, смысле, ключевых требованиях к тексту конституции — хотя бы в плане развития политико-правового самосознания и инициирования соответствующих общественных дискуссий.

¹ См., напр. Голосов 2010; Клямкин, Краснов, Шевцова 2012; Розов 2012; Тютрин 2012; Сулакшин (ред.) 2011; Краснов (ред.) 2012; <http://democrazia2.ru/group/7a04f136-879b-45d6-bdc5-3895decb7f1c>.

Роль конституции: приспособление к расстановке сил или исторический прорыв?

Конституции обычно принимаются либо на всенародном референдуме, либо парламентом, либо специально созданным Конституционным (или Учредительным) собранием. Но это лишь формальная сторона дела. На более глубоком, сущностном уровне содержание конституции может определяться установками консолидированной доминирующей силы (как это было в СССР), либо компромиссом между конкурирующими партиями и стоящими за ними группами интересов (как в стабильных демократиях), либо задачами закрепления власти победителей после политического кризиса в условиях деморализации и дезорганизации оппонентов (как в России в декабре 1993 г.).

С точки зрения учета разнообразия позиций предпочтителен второй вариант, по сути означающий приспособление текста конституции к сложившейся расстановке сил. Применительно к уже более или менее нормально функционирующей политической системе это, вероятно, неплохо. Однако там, где значительная (а то и большая) часть общества и его политического класса настроена антилиберально и антидемократически, где распространены этнонационалистические, религиозно-фундаменталистские и откровенно ксенофобские настроения, подобного рода приспособление даст, мягко говоря, не лучший результат.

Альтернативой был бы проект прорывной, не приспособливающийся, а, напротив, преодолевающий как давно сложившиеся авторитарные, так и вдруг вспыхнувшие агрессивнo-мракобесные, даже фашистские тенденции в российском обществе. При каких обстоятельствах может быть принят такой проект конституции (либо, как минимум, комплекс поправок к Конституции 1993 г.)?

Пожалуй, единственным вариантом является некое повторение условий осени 1993 г. — глубокий политический кризис, общая деморализация и дезорганизация правящей элиты, последующий кавалерийский наскок и победа (практически невероятная) либерально-демократической коалиции. Вряд ли существование такой навязанной победителями конституции было бы длительным, поскольку оправившиеся от конфуза поражения силы вновь бы консолидировались и всеми правдами и неправдами стали торпедировать установленный новой конституцией порядок, причем с высокой степенью успеха.

Итак, мы сталкиваемся здесь с ситуацией «оба хуже». Какой же выход?

Ключ к решению, на наш взгляд, состоит в разведении двух планов:

- написание, обнародование и обсуждение текста конституции;
- реальные политические процессы (мобилизация сил и ресурсов, конкуренция, конфликты, борьба за власть, кризисы и проч.).

При подготовке текста новой конституции (или комплекса поправок к действующей) ни в коей мере нельзя руководствоваться соображениями «примут — не примут». Выстроенный в соответствии с ясными, четко продуманными основаниям текст ценен вне зависимости от уровня своей «проходимости». Кстати, именно из такой установки, судя по всему, исходили авторы двух альтернативных, полярных по отношению друг к другу проектов новой конституции, один из которых был подготовлен в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования под руководством Степана Сулакшина, а второй — в НИУ ВШЭ под руководством Михаила Краснова². Преимущественно под этим углом зрения мы и будем обсуждать поставленную проблему: важны принципы, а не то, понравятся ли итоговые формулировки некоему будущему «принимающему» органу.

Внесение поправок в действующую Конституцию или принятие новой — это политическая задача, вернее, поле политической и идеологической борьбы между теми силами, которые вследствие ряда событий

² Сулакшин (ред.) 2011; Краснов (ред.) 2012.

(вероятно, кризисного характера) получают преимущественный доступ к организации работы по обновлению конституции. В ходе такой борьбы обычно используются как открытые, честные, так и манипулятивные («политтехнологические») стратегии и приемы. Заранее обсуждать эти материи бесполезно.

Значение имеет только один аспект: новый текст должен быть подготовлен таким образом, чтобы будущие сторонники заложенных в нем идей (достоинство, права и свободы человека, демократия, республиканизм, разделение властей, реальный федерализм и т.д.) получили наилучшие возможности для их защиты и продвижения. В свою очередь, это предполагает, что включенные в него формулировки следует снабдить набором обосновывающих аргументов, которые бы (в идеале) отвечали на наиболее вероятные возражения и контрдоводы. Собственно, такова существенная составляющая замысла данной работы.

Для кого пишется конституция?

В любой конституции ключевыми субъектами устанавливаемых отношений являются государство с его органами и граждане (индивиду, семьи, группы, сообщества, народ). Соответственно, альтернативные позиции, касающиеся предназначения конституции, связаны с тем, интересы какого из этих субъектов обеспечивают прежде всего конституционные нормы.

Первую из таких позиций можно обозначить как *этатизм* (государственничество), когда конституция служит преимущественно интересам государства, причем вне зависимости от формы правления и легитимационной основы (наследственные монархии, теократии, коммунистические и фашистские режимы и даже демократии — правда, как правило, имитационные)³. На другом полюсе расположена *либеральная* позиция, когда конституционные нормы защищают в первую очередь права, свободы и интересы граждан, трактуя государство как некий служебный орган и всячески ограничивая его поползновения к захвату власти, ресурсов и контроля над гражданами⁴. К крайним версиям либеральной позиции относятся либертарианство, анархизм и их разновидности (минархизм, анархо-капитализм, анархо-синдикализм и т.д.), отказывающие государственным органам в праве на принуждение и насилие в отношении граждан (в том числе в праве взимать налоги) либо вовсе стремящиеся их элиминировать.

Есть смысл также выделить крайне консервативную (фундаменталистскую) позицию, с недавнего времени получившую у нас наименование *жизнеустроительной*, в рамках которой конституция выступает чем-то вроде домостроя или шариата, навязывая как государству, так и всем без исключения гражданам «вечные» («священные») ценности и нормы вкупе с пространными перечнями правил и обязанностей⁵.

Аргументация либеральных противников этатизма, провозглашающих приоритет человека над государством, свободы над насилием и принуждением, разнообразия взглядов над единомыслием и т.п., хо-

³ Таковыми были все своды базовых законов («уложения» и проч.) Московии и Российской империи, а также советские конституции.

⁴ В этой традиции написано большинство комментариев к действующей Конституции РФ и учебников по конституционному праву (см., напр. Баглай 2002; Соколов 2010).

⁵ Яркий пример — проект конституции, разработанный под руководством Сулакшина (Сулакшин (ред.) 2011).

рошо известна. Она во множестве тонкостей и нюансов изложена и развита в огромном количестве работ, начиная с классических трудов отцов либерализма, таких как Джон Локк, и кончая сотнями монографий по политической философии⁶.

⁶ См., напр. Локк 1988; Миль 1993; Ролз 1995; Берлин 2001.

Установки самого либерализма и либеральной демократии, в духе которых написаны основополагающие документы современного международного права (Всеобщая декларация прав человека и др.), подвергаются сегодня в России жесткой критике. Рассмотреть ее здесь необходимо, поскольку антилиберальные и антидемократические умонастроения с утверждением превосходства «русской цивилизации» имеют массовое распространение; им подвержены не только малообразованные слои, но и немалая часть политиков и идеологов.

Наиболее развернутая критика либерального взгляда на конституцию представлена в «Научном макете новой Конституции России», подготовленном в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, и включает в себя два слоя. Первый слой — сугубо идеологический, отражающий известные антизападнические и антирыночные воззрения. «Конституция РФ (1993 г. — *Н.Р.*), — утверждает в «Макете», — нацелена на единственный безусловный интерес — богатого меньшинства, поэтому имеют место безудержная приватизация, вывоз капиталов из страны, сырьевизация и архаизация экономики, фальсификация продуктов питания и лекарств, коммерциализация социальной и гуманитарной сфер»⁷.

⁷ Сулакшин (ред.) 2011: 8.

Ни здесь, ни далее не приводится никаких аргументов, которые бы свидетельствовали о повинности статей действующей Конституции в указанных бедах сегодняшней России. Точнее, единственным аргументом является обвинение в «умолчании», то есть в том, что в Конституции не декларируются некие специфические для русского народа «высшие ценности», не утверждается его особая роль и т.п. Впрочем, каких-либо доводов в пользу того, что такие декларации, а также насыщение текста Конституции «сакральностью» и «духовностью» позволят удержать капиталы от вывоза из страны, преодолеть коррупцию, приостановить деградацию образования и медицины, в этом весьма пространный «научный» документе опять же не обнаруживается.

Судя по всему, мы имеем здесь дело не с рациональными рассуждениями, а с наукообразным выражением подспудной идеологической установки. Подобного рода глубинные убеждения неуязвимы в отношении любых рациональных аргументов, поэтому и не стоит пытаться их приводить.

Более серьезного внимания заслуживает второй слой критики либеральных представлений о предназначении конституционных принципов и норм. Речь идет о недостаточности минималистской, «сервисной» функции государства. По мысли авторов «Научного макета», государство не может ограничиваться лишь защитой прав и свобод граждан, но должно активно участвовать в «жизнеустройстве», то есть во всех сферах жизни страны и ее граждан. Вообще говоря, данный принцип

отчасти получил воплощение и в действующей Конституции, где российское государство объявляется «социальным» и фиксируются (пусть в самом общем виде) его обязанности по защите окружающей среды, здоровья граждан, материнства и детства, по развитию образования, экономики и т.д.

Либеральные возражения против такого подхода сводятся к тому, что при наделении государства подобными функциями ему должны быть переданы массивные общественные ресурсы, предварительно изъятые у бизнеса и граждан, причем ресурсами этими будут распоряжаться государственные органы (читай — чиновники), что чревато в лучшем случае неэффективностью, а в худшем (уже вполне привычным для России) — системной коррупцией и воровством.

Оставив за скобками призывы к тотальному «жизнеустроительству» (неизбежно грозящему соскальзыванием в тоталитаризм), следует вспомнить, что многие необходимые для современных обществ блага и функции оказываются невыгодными для бизнеса и неподъемными для любых родственных, соседских, этнических, добровольческих сообществ⁸. А раз так, то необеспечение государством таких благ и функций, по сути, равнозначно его «провалу».

Другими словами, задача заключается в том, чтобы обязать государство к выполнению множества функций, требующих объемных административных и материальных ресурсов (самое очевидное — обеспечение всеобщего бесплатного начального и среднего образования, содержание тюрем, полиции, армии, детских домов, помощь нетрудоспособным, защита окружающей среды), и при этом минимизировать неэффективность государственного управления и воспрепятствовать «нецелевому» (мягко говоря) использованию средств.

⁸ См., напр. Samuels 1988; Samuels, Tool (eds.) 1989.

Гражданско-государственное партнерство

В качестве основных принципов решения этой задачи возьмем *субсидиарность, стимулирование эффективности и включение заинтересованных групп*.

Субсидиарность означает делегирование общественной функции агенту (государственному органу, местному самоуправлению, коммерческой фирме или группе граждан), с одной стороны, максимально приближенному к процессам реализации этой функции, а с другой — способному благодаря своим ресурсам и положению ее выполнить. Проведение данного принципа в конституции подразумевает упор не на прямое обеспечение государством того-то и того-то, а на его обязанность:

- во-первых, предоставлять необходимые и достаточные правовые, налоговые и административные условия для выполнения требуемых общественных функций разного рода организациям и сообществам;
- во-вторых, выявлять и расширять возможности, а также мотивацию для создания таких организаций и сообществ, когда их нет или они слишком малы и слабы;

— и только в-третьих, самому выполнять эти функции в ситуации, когда больше некому, и в тех сферах, где участие местных органов самоуправления, коммерческих или добровольческих структур признано неприемлемым (например, в сфере охраны границ или государственной безопасности).

Стимулирование эффективности предполагает такой порядок оценки деятельности (с соответствующими поощрениями и санкциями) государственных учреждений, конкретных руководителей, чиновников и депутатов, который напрямую зависит от качества выполнения ими предписанных функций, причем качество это должны оценивать не только и не столько органы власти (даже независимые, контролирующие), сколько релевантные группы граждан и организации. Понятно, что реальные механизмы и процедуры подобного оценивания и стимулирования могут быть прописаны лишь на более низких нормативных уровнях. Однако в конституции должно содержаться общее указание на данный принцип оценки деятельности государственных органов.

Включение заинтересованных групп, уже косвенно упоминавшееся выше, означает максимальное привлечение как к самому обеспечению общественных функций, так и к оценке их выполнения государственными и негосударственными структурами тех групп и сообществ, которые в наибольшей мере в этих функциях заинтересованы. В профилактике и тушении лесных пожаров, в защите от наводнений, в благоустройстве окружающей среды больше всего заинтересованы местные жители; в качестве образования, в противодействии наркотизации и алкоголизации подростков — родители; в качестве коммуникаций, информационной и финансовой инфраструктуры, в гарантиях независимого и справедливого судопроизводства — местный бизнес; в хороших дорогах — автомобилисты и компании-перевозчики и т.д. Задача конституции — задать такие базовые нормативные идеи и правовые условия, которые бы не только разрешали, но и стимулировали создание соответствующих ассоциаций, расширяли их возможности заботиться об общественных благах и функциях, фиксировали общие принципы продуктивного взаимодействия между государственными органами, бизнесом и гражданскими сообществами.

Далее представленная позиция, базирующаяся на принципах субсидиарности, стимулирования эффективности и включения заинтересованных групп, будет обозначаться как *гражданско-государственное партнерство*. Эта позиция противостоит всем трем рассмотренным выше и вместе с тем имеет с ними ряд сходных черт.

С *этатизмом* ее роднит признание важной и неустраимой роли государства в функционировании и развитии социума, но отличает принципиальное неприятие монополии государства на реализацию большинства общественных функций.

Гражданско-государственное партнерство родственно *либерализму*, даже примыкает к мягким его формам, однако отвергает низведение государства до положения «ночного сторожа».

Соглашаясь с «жизнеустройством» в том, что конституционные нормы должны каким-то образом задавать общие условия для заботы об огромном множестве общественных функций и благ, позиция партнерства делает ставку не на навязывание груды «высших сакральных ценностей», не на принуждение всех и вся к выполнению детальных сводов правил (всегда недостаточных и быстро устаревающих), а на самоорганизацию заинтересованных граждан, их сотрудничество с государственными органами и ответственность чиновников за эффективность своей деятельности.

**Декларация
или свод
предписаний?**

Полезно вспомнить, как в середине 2000-х годов кремлевские советники хвалили Конституцию 1993 г., доказывая, что она открывает весьма широкие возможности для корректирования политического устройства страны, — и мы хорошо знаем общее направление подобного корректирования. Естественная реакция на такое положение вещей — попытаться поставить барьеры на пути соскальзывания к авторитаризму, подрыва принципов свободы, демократии, федерализма, светскости государства и т.д. Как это сделать?

Идея «законопатить все щели» посредством детальной нормативной регламентации заведомо утопична. Во-первых, тогда конституция «распухнет» до неприличных размеров и перестанет быть воспринимаемой. Во-вторых, изворотливый ум чиновников все равно найдет лазейки, способы смягчить, обойти самые строгие и детализованные правила.

Однако соглашаться с сугубо декларативной ролью конституционных норм также не следует. Конституция призвана служить важнейшим ориентиром для законодательного процесса и последующей оценки законов Конституционным судом; главным нормативным основанием для разрешения политико-правовых коллизий между ветвями и органами власти, центром и регионами; наконец, орудием мирной, цивилизованной борьбы граждан за соблюдение как своих прав, свобод и интересов, так и общих принципов свободы, демократии, республиканизма, федерализма, светскости, равенства перед законом и проч.

Норма перестает быть сугубо декларативной, если предполагает санкцию за ее невыполнение. Ясно, что каждую статью конституции санкциями не обеспечишь. Поэтому целесообразно ввести по крайней мере две градации строгости.

Условный запрет относится по умолчанию ко всем специально не отмеченным статьям конституции. Это означает, что при наличии иска суд должен определять степень осознанности / неосознанности нарушения конституционной нормы, варьируя вердикты от простого предписания исправить нарушение до снятия нарушителя с должности.

Категорический запрет касается статей конституции, наиболее уязвимых для обхода и подрыва основополагающих прав и свобод граждан, демократических, федеративных и светских принципов государственного устройства. В идеале нарушение соответствующих норм

должно вызывать мгновенное солидарное противодействие со стороны парламента и суда, массмедиа и общества. В законах и внутренних регламентах законодательных и исполнительных органов должны быть прописаны весьма строгие санкции за нарушение таких категорических запретов, вплоть до пожизненной люстрации. Статьи (или группы статей) этой категории должны дополняться особыми формулировками, начинающимися со слова «запрещено» и более или менее четко указывающими, какого рода действия нельзя совершать исполнительным органам и какого рода нормативные акты нельзя принимать законодательным органам, чтобы не нарушать данную статью (группу статей) конституции.

**Проблема
«высших
ценностей»**

Весьма сложным, к тому же остро конфликтным является вопрос, какие ценности и каким образом должны (или не должны) быть зафиксированы в конституции. В данном случае позиции четко не структурированы, поэтому правильнее выделить и проанализировать основные встающие здесь дилеммы:

- ценностный индивидуализм или ценностный холизм?
- ценностный универсализм или ценностный партикуляризм?
- ценности высшие или базовые («минимальные»)?
- ценности содержательные или формальные?
- полнота или краткость перечня ценностей?

Рассмотрим последовательно каждую дилемму.

Ценностный индивидуализм или ценностный холизм? (Должны ли фиксируемые в конституции ценности относиться к индивиду, то есть к гражданину, человеку, или же к обществу — народу, государству, стране?)

В Преамбуле действующей Конституции подчеркиваются такие целостности, как народ, общая судьба, государственное единство, Отечество, Родина, суверенная государственность и т.д. Вторая же глава основного текста, имеющая наибольшее ценностное наполнение, сфокусирована на индивиду — правах и свободах человека и гражданина.

В проекте НИУ ВШЭ ключевой ценностью объявляется достоинство человека, то есть индивидуалистическая ценность. Напротив, в проекте Центра проблемного анализа индивидуалистические ценности дискредитируются как западнические, служащие лишь «богатому меньшинству», а вместо них провозглашаются ценности холистические (единство, неделимость, «ответственность России за судьбы мира и человечества», «русская цивилизационная идентичность» и т.д.), связанные с территорией, русским народом, православием. Даже когда там упоминаются ценности, затрагивающие индивидов, речь идет о «нравственности», «любви к Родине», «ответственности» и «обязательствах» перед страной и народом, то есть о ценностях, предписывающих гражданам установки относительно тех или иных *целостностей*.

Выше уже говорилось, что в любой конституции явно или неявно присутствуют две главные субъектные инстанции: граждане и государство. У граждан, бесспорно, имеются общие интересы, касающиеся их страны, земли, безопасности и т.д., а значит, ценности холистического плана в тексте должны присутствовать и быть защищены нормами. Поэтому высказываемая ультралибералами (либертарианцами и анархистами) идея элиминировать из основного закона все ценности общего порядка как несущие в себе угрозу тоталитаризма неприемлема. Надо сказать, что внятных голосов в пользу такого подхода в современной России не слышно. Весьма опасной является, однако, другая крайность, когда индивидуалистические ценности (достоинство, права и свободы человека и гражданина) отвергаются или дискредитируются, замещаются требованиями «нравственности» (обычно понимаемой в этом контексте крайне консервативно, а то и вовсе в религиозно-фундаменталистском ключе), приверженности «народу», «Отечеству», «Родине» (за чем, как правило, скрывается требование безусловной лояльности и преданности существующему режиму и правящей группе).

Холистические установки имеют солидные позиции в критике крайнего индивидуализма и эгоцентризма, чреватых разрушением социальных связей, прежде всего семейных, родственных, соседских, этнических, утратой жизненных смыслов, соскальзыванием к эскапизму, алкоголизму, наркомании, суициду и проч.

В рамках западноевропейской традиции, во многом на основе христианской трактовки души как фундаментальной онтологической и аксиологической единицы, были сформированы представления о «естественных правах» (Гоббс, Локк, Руссо, Дидро, Кант и др.), вызвавшие к жизни соответствующую философско-правовую доктрину. В духе этой доктрины и составлена Всеобщая декларация прав человека, нормы которой закономерно вошли в корпус прав и свобод граждан большинства современных конституций, в том числе и Конституции РФ 1993 г.

Вместе с тем, как показали еще Эмиль Дюркгейм и Фердинанд Тённис (и сегодня в социальных науках этот вывод практически никем не оспаривается), полноценная, осмысленная, а тем более — счастливая человеческая жизнь предполагает *включенность в эмоциональные связи с близкими по крови и/или духу людьми*. Таким образом, защищать нужно не только изолированного индивида с его правами и свободами, но и то, что Дюркгейм называл связями солидарности, Тённис — *Gemeinschaft* (малым сообществом с теплыми эмоциональными связями), а Питирим Сорокин — источником и основой альтруистической любви⁹.

Итак, вырисовывается трехслойный состав ценностей, которые должны фигурировать в тексте конституции. К нижнему (традиционно-му) слою прав и свобод человека как индивида должен примыкать слой, связанный с семьей, отношениями родства, а также со складывающимися и создаваемыми сообществами живого общения — от клановых, этнических, конфессиональных до тех, что базируются на профессии,

⁹ Дюркгейм 1996;
Тоеннис 1957;
Sorokin 1967.

увлечениях, стиле жизни и т.п. Над этими слоями возвышается слой холистических ценностей уровня страны, истории, культуры, народа, языка. Не следует противопоставлять эти слои и пытаться установить, какой из них «высший», а какие — «подчиненные». Каждый человек сам вправе решать, что для него важнее. Задача ценностей в конституции — обеспечить признание и соблюдение определенных правил, которые защищают соответствующие целостности: индивидов с их правами и свободами; малые сообщества живого общения с их потребностью в общественном признании и возможности отстаивать общие интересы; страну, народ, культуру, язык, окружающую среду, которые нужно беречь от распада, разрушения и деградации.

Что касается больших сообществ (социальные классы и страты, профессиональные группы и т.п.), а также территориальных целостностей (регионы, города), то внесение в текст конституции релевантных им слоев ценностей представляется излишним. Вполне достаточно зафиксировать право на создание всевозможных экстерриториальных ассоциаций и на принятие такими ассоциациями, а также территориальными единицами собственных уставов — лишь бы они не вступали в противоречие с общенациональной конституцией. В этих нормативных документах уже могут и должны присутствовать ценности, относящиеся к промежуточным — пропущенным в конституции — социальным слоям и территориальным целостностям.

Ценностный универсализм или ценностный партикуляризм?

(Должны ли фиксируемые в конституции ценности носить всеобщий характер, или же они должны касаться именно данной страны, ее истории, культуры, религии и т.п.?)

Не подлежит сомнению обязательность фиксации в конституции универсальных ценностей, связанных с правами и свободами человека, — хотя бы для того, чтобы конституция не стала основанием для ущемления российских граждан в сравнении с гражданами других государств. Нужны ли в данном слое какие-то особые, специфические для России ценности?

Учтем, что главная направленность конституции, как и всякого закона, — обязывающая. Значит, внимание следует фокусировать не на том, что и так благополучно, а на том, чего остро не хватает и что должно быть восполнено.

Негативные черты российского менталитета применительно к политико-правовой сфере хорошо известны — это патернализм, подданническая политическая культура, эскапизм, правовой нигилизм, склейка понятий «порядок» и «сильная рука»¹⁰. Альтернативой таким установкам являются гражданская и политическая ответственность, правовая грамотность, заинтересованность в политике и требовательность к органам власти.

Каким же образом текст конституции может способствовать формированию этих качеств у российских граждан? Ясно, что голые декла-

¹⁰ Подробнее см. Розов 2011.

рации здесь бесполезны (а то и вредны, поскольку будут восприниматься как пустая демагогия). Требуется некий стимул, побуждающий граждан к выработке соответствующих качеств.

Наиболее простые и очевидные пути обретения грамотности, ответственности и требовательности — это ознакомление с законом, организация общественно-полезной деятельности, причем не на коммерческих, а на добровольческих началах, а также прямые и осознанные материальные взносы.

Чем же может заинтересовать граждан конституция, чтобы подвигнуть их на такие шаги?

Среди политических прав граждан, закрепленных в конституции, решающее значение имеет активное (право избирать) и пассивное (право быть избранным) избирательное право. Стало привычным автоматически предоставлять его каждому гражданину по достижении определенного возраста (всеобщее избирательное право). Несмотря на многочисленные недостатки подобной нормы (массовое равнодушие и конформизм при голосовании, легкость манипулирования избирателями, массированное и эффективное использование административного ресурса и т.д.), любое ограничение всеобщего избирательного права воспринимается сегодня как скандальное отступление от демократии и едва ли может получить значимую поддержку.

Выход состоит в том, чтобы, не ограничивая граждан, уже получивших избирательные права, добавить некий ценз для новых поколений, вступающих в соответствующий возраст. Для права избирать таким цензом должно служить знание конституции и уплата налогов. Для права быть избранным в ценз следует также включить опыт организации и руководства какой-либо общественно-полезной добровольческой деятельностью.

Обратимся теперь к ценностям холистического уровня. Объекты подобного рода ценностей (народ, страна, культура, язык, окружающая среда), разумеется, специфичны и даже уникальны. Народ России, русская культура и русский язык столь же уникальны и цивилизационно специфичны, как и аналогичные целостности Франции и Польши, Украины и Казахстана, Индии и Китая, Ирана и Египта, Бразилии и Мексики. Утверждать какую-то особую «ответственность России за судьбы мира и человечества»¹¹ — пустое и бессмысленное бахвальство. (Никто не мешает нашей стране без всяких напыщенных деклараций проявлять такую ответственность в своей внешней политике, и пусть тогда представители других стран выносят ей соответствующую оценку.)

Однако характер заботы об уникальных российских целостностях холистического уровня по сути своей является универсальным — хранить традиции, создавать условия для свободного развития культуры, беречь язык, природу и т.д. И нет ничего зазорного в том, что данные императивы с равным успехом могут относиться к немецким, американским, киргизским, грузинским и прочим холистическим целостностям.

¹¹ Сулакшин (ред.)
2011: 23.

Ценности высшие или базовые («минимальные»)? (Должны ли фиксируемые в конституции ценности отражать предельные, трансцендентные цели — религиозные, эсхатологические, абстрактно-философские, связанные со спасением, просветлением и т.д. — и предназначение человека, народа, страны, или же они должны касаться только порядка взаимодействия между людьми, не затрагивая возможных устремлений индивидов и групп?)

В «Научном макете» Центра проблемного анализа действующая Конституция РФ критикуется как «ценностно выхолащенная» и приводится перечень «высших» ценностей для России:

- «сакрализованное выражение ценности государства в понятии Родины;
- императив национальной безопасности и обороноспособности страны;
- императив цивилизационной идентичности государства и народа;
- ответственность государства за социальное благополучие населения;
- государственная поддержка национальных традиций;
- поддержка государством норм общественной морали;
- сохранение исторической памяти, гордость народа за великие исторические свершения прошлого;
- поддержка цивилизационно-ориентированной культуры, противодействие распространению деструктивной по отношению к российским ценностям накоплениям культурной продукции;
- задача обеспечения государством высокого качества образования;
- государственная поддержка развития науки;
- государственная поддержка института традиционной российской семьи;
- государственная поддержка цивилизационно-идентичных религий России, использование их потенциала для решения государственных задач;
- этническая комплиментарность, дружба народов;
- противодействие социальному и имущественному расслоению населения, то есть императив социальной справедливости;
- закрепление за соответствующими государственными институтами функций пропаганды и воспитания;
- воспитательные ориентиры развития личности (патриотизм, духовность, нестяжательство, креативность, милосердие, альтруизм и др.);
- развитие трудовых мотиваций, обоснование социальной значимости труда;
- обеспечение идейного влияния и положительного образа России в мире»¹².

¹² Там же: 92.

Приведенный список крайне неоднороден. Вряд ли можно спорить с необходимостью государственной поддержки науки и образования, с императивом национальной безопасности и обороноспособности страны. Вместе с тем «сакрализованное выражение ценности государства», «государственная поддержка цивилизационно-идентичных

религий России», «закрепление за соответствующими государственными институтами функций пропаганды и воспитания», «обеспечение идейного влияния и положительного образа России в мире», кажется, выплыли из иронического проекта Кузьмы Пруткова «О введении единомыслия в России» либо и вовсе являются перелицованными фетвами приверженцев Хомейни и бен Ладена. Спор по каждому пункту вряд ли может быть продуктивным, поскольку главными основаниями для подобного перечня, очевидно, выступают не рациональные доводы, а глубинные мировоззренческие установки, включающие этатизм, религиозность государственнического и фундаменталистского толка, консерватизм и т.п.

Обсудим более глубокий и принципиальный вопрос: что вообще означает быть «высшей ценностью»? Можно показать, что за этим выражением кроется целое семейство значений. «Высшая» ценность может трактоваться как:

- *моральная*, то есть относящаяся к безусловному Добру и противостоящая Злу;
- *священная (сакральная)*, имеющая касательство к сверхъестественному, потустороннему, божественному;
- *всеобще-императивная*, то есть обязательная для всех, позволяющая подвергать санкциям, остракизму тех, кто ее отвергает;
- *приоритетная* (при конфликте и выборе);
- *социально-престижная* (быть причастным к «высшим ценностям» почетно и достойно, тогда как «низшие», такие как телесные удовольствия и материальный достаток, заслуживают лишь снисхождения, если не презрения).

Бывают ли ситуации, при которых оправдана фиксация в конституции (явная или неявная) перечня таких ценностей? Пожалуй, да. Речь идет об обществах, крепко сплоченных в морально-религиозном отношении (примерами могут служить католическая Польша, шиитский Иран, некоторые арабские страны, население которых исповедует суннизм, буддистская Шри-Ланка и т.д.). Что касается разделенных в мировоззренческом плане народов (а сегодняшняя Россия относится к числу наиболее расколотых и внутренне конфликтных наций, о чем свидетельствуют хотя бы события вокруг акции Pussy Riot), то любая попытка навязать противостоящим группам некий перечень «высших» (читай — единых и общеобязательных) ценностей здесь ведет не к примирению и общему повышению «духовности», а к эскалации взаимной агрессии и конфликтов.

Вообще, в условиях выраженного мировоззренческого противостояния нет более эффективного средства углубить взаимное отчуждение, раскол и вражду, чем принудительное навязывание каких-либо претендующих на всеобщность «высших ценностей». Что же взамен?

За признанием сторонами своих различий, которых не преодолеть насилем и принуждением, должны следовать договоренности о правилах и порядке мирного сосуществования, что равносильно принятию

¹³ См. Розов 1998: раздел 2.1.

базовых — «минимальных» — ценностей. Теоретико-аксиологическое обоснование корпуса общезначимых, но при этом не претендующих на «высший» статус ценностей дано в одной из более ранних наших работ¹³. Фактически общезначимые ценности в таком их понимании находятся в полном соответствии с правами и свободами человека, как они сформулированы во Всеобщей декларации прав человека и во второй главе Конституции РФ. Иными словами, ценности «минимальные» действительно и оправданны, и совершенно необходимы в любой современной конституции, тогда как включение в нее «высших ценностей» выглядит проблематичным или же просто опасным.

Каков же тогда статус таких явно значимых императивов, как забота государства о безопасности, о территориальной целостности, о развитии науки, образования, здравоохранения и т.д.? Разве нельзя их причислить к категории «высших», как это делается в процитированном перечне из «Научного макета» Центра проблемного анализа? Давайте рассмотрим данные императивы в тех семантических аспектах, которые были выделены как экспликация многозначного слова «высший».

Являются ли они моральными, то есть относящимися к безусловному Добру и противостоящими Злу, а также священными и обязательными для всех?

Каждое государство так или иначе заботится о своей безопасности и территориальной целостности. Многие современные государства вкладывают немалые средства в развитие науки, образования и медицины. Некоторые государства, например Япония и Грузия, стремятся к восстановлению своей территориальной целостности, которая, по мнению политиков и населения этих стран, была нарушена (причем в случае Японии и Грузии не кем-нибудь, а Россией). Вне зависимости от степени правоты той или иной стороны представляется очевидным, что здесь нет ни абсолютной моральности (в приведенном выше смысле), ни универсальной священности, ни общеобязательности. Да, многие японцы считают своим священным долгом вернуть «северные территории», но, в свою очередь, многие русские считают своим священным долгом не уступать ни пяди «родной земли» — а значит, всеми силами удерживать Курильские острова. «Священное» оказывается ограничено национальными рамками, ни о каком универсальном и абсолютном статусе здесь речи быть не может.

Государственная забота о здравоохранении напрямую определяется одной из базовых «минимальных» ценностей («здоровье человека»), а также понятными демографическими и макроэкономическими соображениями. Подобным же образом нормативной основой развития образования и науки служат базовые ценности «свобода и достоинство человека» (неграмотные невежды были бы лишены и свободы, и достоинства) и те же императивы социально-экономического развития. В отношении науки и философии можно, конечно, говорить о такой неутилитарной и автономной ценности, как «истина», но она, вне всякого

сомнения, является далеко не всеобщей, распространена лишь в соответствующих интеллектуальных кругах и вряд ли выступает действенным нормативным основанием в государственной политике какой-либо страны.

Что до приоритетности (при конфликте и выборе) и социального престижа рассматриваемых претендентов на статус «высших ценностей», то хорошо известно, что причисление к данным категориям варьирует от периода к периоду, от страны к стране, от группы к группе.

Как видим, ни по одному критерию даже самым выигрышным императивам из списка «высших ценностей» не удалось подтвердить свой статус.

Может возникнуть резонное возражение: ценности анализировались здесь в социологическом и сравнительном ключе, то есть с точки зрения того, что с ними бывает в реальном мире, в разных странах и в разные исторические периоды, тогда как их высший статус задается на сугубо абстрактном, философском, идеально-аксиологическом уровне (что бы в мире ни происходило, эти ценности должны считаться абсолютными и вечными).

Следует заметить, что даже наиболее фундированные философские трактаты все равно остаются лишь претензиями и получают сколько-нибудь заметное общественное и политическое значение (как, например, идеи Локка, Руссо, Канта, Гегеля, Маркса), только когда подхватываются влиятельными социальными силами. Нынешние претензии радетелей «высших ценностей» лишены даже намека на философское обоснование, зато могут рассчитывать на поддержку со стороны государства и государственных компаний, а также агрессивнo-фундаменталистски настроенных слоев малообразованного населения¹⁴. Уже по одной этой причине провозглашение (и навязывание) в сегодняшней России каких-либо «высших ценностей» вызывает серьезные опасения.

Каким же статусом тогда должны обладать те холистические императивы, которые кажутся неоспоримыми (забота о безопасности и целостности страны, развитие науки, образования, здравоохранения, защита природы и т.д.)? Часть из них представляет собой субкардинальные ценности, обеспечивающие необходимые условия для реализации ценностей кардинальных, то есть общезначимых, базовых, «минимальных»¹⁵. Таковы развитие образования и здравоохранения. Часть относится к категории этосных, то есть специфических для конкретного сообщества — народа России. Действительно, безопасность страны и целостность территории — это интерес России, ее государства и населения. Будучи общим для граждан, перманентным, сохраняющимся в поколениях, этот интерес получает статус ценности, но отнюдь не «высшей» (сакральной и абсолютной), а общенациональной.

Допустимо ли навязывать подобные ценности? Всем вообще — нет, а вот гражданам страны — и допустимо, и необходимо. Являешься гражданином России — изволь заботиться о ее безопасности и целост-

¹⁴ Здесь нелишне вспомнить, что одним из частных соавторов Сулакшина и, вероятно, спонсоров возглавляемого им Центра проблемного анализа является глава РАО «Российские железные дороги» Владимир Якунин, а также о том, что с лета 2012 г. сугубо российскими «высшими ценностями» озаботились самозванные «православные дружины».

¹⁵ См. Розов 1998: раздел 2.1.

ности, как минимум своими налогами. Такая логика нормальна и оправданна. В ее рамках граждане могут и должны интересоваться, насколько эффективно используются средства, которые они перечисляют в казну.

А вот когда им в головы впихивают нечто смутное — «высшее» и «сакральное», — то и власть, распоряжающаяся бюджетом, неминуемо превращается во что-то таинственное и мистическое. Тогда вместо гражданской политической культуры мы получаем привычную подданническую, на формирование которой, собственно, и направлены все потуги втиснуть в конституцию «высшие ценности».

Ценности содержательные или формальные? (Нужно ли раскрывать в конституции смысл столь многозначных терминов, как «равенство», «справедливость», «нравственность», «достоинство», «забота о природе» и т.п., или же следует оставить пространство для последующих — и, вероятно, меняющихся — толкований?)

Язык конституции должен быть максимально точным в тех статьях, где утверждаются конкретные правовые нормы (например, в статьях, где идет речь об избирательном праве, о порядке взаимодействия между органами власти и т.д.). Что касается ценностей, то попытка однозначно закрепить их смысл в кратких (по необходимости) формулировках приведет к росту, а не к снижению разногласий, поскольку ценности — это та материя, где люди принимают диктат лишь при условии полного принятия некоей древней священной традиции (как в религиях Писания). Конвенциональные установления, даже зафиксированные в одобренной на референдуме конституции страны, предметом слепой веры быть не могут.

Поэтому в тексте конституции имеет смысл ограничиться формальной фиксацией ценностей, тем более что в частных судебных решениях, обоснованиях, обобщениях судебной практики и научных комментариях недостатка в содержательных толкованиях не будет.

Полнота или краткость перечня ценностей? (Должен ли в конституции быть представлен максимально полный перечень ценностей нравственного, религиозного, эстетического, гражданского и политического характера или же их минимально необходимый ряд как основа того, что должно защищаться конституционными нормами?)

Попытка авторов «Научного макета» превратить конституцию в подобие священной книги или шариата понятна, поскольку выход из нынешнего кризисного состояния государственности, правовой системы и общественной нравственности они видят в достижении единомыслия и подчинении всех единому своду сакральных «высших ценностей» и вытекающих из них наборов предписаний. Но что годится (да и то далеко не всегда) для утопической коммуны и религиозной секты тоталитарного толка, то совершенно неприемлемо для огромной страны с культурой, имеющей европейские корни, и весьма значительным ми-

ровоззренческим разнообразием. Поэтому в конституции должен быть только краткий, минимальный перечень базовых ценностей, связанных с правами и свободами, позволяющий мирно и цивилизованно взаимодействовать представителям разных (нередко взаимно враждебных) российских субкультур.

Библиография

- Баглай М.В.** 2002. *Конституционное право Российской Федерации*. — М.
- Берлин И.** 2001. *Философия свободы: Европа*. — М.
- Голосов Г.** 2010. Российская конституция подходит только для авторитаризма // *Slon*. 28.06 (http://slon.ru/russia/rossiyskaya_konstituciya_podhodit_tolko_dlya_avtor-416074.xhtml).
- Дюркгейм Э.** 1912. *Самоубийство: Социологический этюд*. — СПб.
- Клямкин И., Краснов М., Шевцова Л.** 2012. В Конституции не должно быть места для вождя // *Новая газета*. 11.01.
- Краснов М.А.** (ред.) 2012. *Проект Конституции России*. — М.
- Локк Дж.** 1988. Два трактата о правлении // Локк Дж. *Сочинения: В 3-х томах*. Т. 3. — М.
- Милль Дж.** 1993. О свободе // *Наука и жизнь*. № 11, 12.
- Розов Н.С.** 1998. *Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии*. — Новосибирск.
- Розов Н.С.** 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. — М.
- Розов Н.С.** 2012. Конституция для разных. Новый Основной закон — предпосылка конкурентного развития страны и преодоления авторитарных традиций власти // *Независимая газета*. 29.06 (http://www.ng.ru/ideas/2012-06-29/5_constitutsia.html).
- Ролз Дж.** 1995. *Теория справедливости*. — Новосибирск.
- Согрин В.В.** (ред.) 1995. *Либерализм Запада XVII—XX вв.* — М.
- Соколов И.А.** 2010. *Конституционное право Российской Федерации*. — М.
- Сулакшин С.С.** (ред.) 2011. *Научный макет новой Конституции России*. — М.
- Тютрин И.** 2012. Новой России — новую Конституцию! // *Ежедневный журнал*. 10.10.
- Samuels W.** 1988. *Institutional Economics*. — Aldershot.
- Samuels W., Tool M.** (eds.) 1989. *State, Society and Corporate Power*. — New Brunswick (NJ).
- Sorokin P.A.** 1967. *The Ways and Power of Love*. — Chicago.
- Toennies F.** 1957. *Community and Society*. — N.Y.